

Что-то будет, что-то не будет...
 Не останутся эти вот рынки,
 У заборной калитки трава!
 Если плывет здесь гонимый,
 Если к ней дождут слова —
 Это вам говорю из Парижа я
 То, что все слышно в аэро-
 (Сергей БИВАЛОВ)

Виктор Платонович Некрасов сидел на втором этаже кафе «Монпарнас» и пил пиво. Матовое, молочное лицо, усталые круглые глаза родников. Откинулся на спинку сиденья, в платановом стуле в самом углу убранного зеркала зала. За соседними столиками — никого.
 Здесь он заснеживает. Ему нравится, когда друзья зовут его в Некрасовские. Некрасов привычно расположился за холодным мраморным столиком. Свернул калачиком на соседнем стуле. Повисла бокал с пивом... Но не покидает ощущение, что это одинокий человек чужой здесь, что он лишь эфемерный посетитель царства зеркал и официантов в смокингах.
 — Никому мы здесь не нужны. Общего с французами ничего не имеют и не хотим иметь. Где бы русский человек ни жил, он все равно останется русским. Да, ведь мечтает только о своем... Некрасов смотрит на меня поверх очков, старых, еще ювенильных. — Хотите черных сухариков? Только что прислали. С детства люблю черные сухарики, особенно с маслом. Значит, не будете...

Некрасов снимает очки и кладет их рядом с выпущенной в Москве книгой А. Смирновского «Михаил Булгаков и художественная фантазия».
 — Читал? Нет? А зря... Хорошо читал. И предостаточно знание Олега Николаевича Ефремова. Он — талант на старости. Легче ли стало работать в перестроенном здании МХАТа?.. Послушайте, правда, что издали книгу М. Чудаковой о Булгакове? Это теперь тема модная... А что же старо с Булгаковским домиком в Киеве?
 — Не знаю. К стыду моему, никогда в Киеве не был.

— А чего стыдиться? Не были — и бог с вами! Я сам, наконец, ничего там теперь не узнаю. Помогали ведь старикам род и чертовой матери... Илл, как сейчас говорят, деконструировали. Так ведь?
 Постарел Некрасов, как-никак семидесят пять! Ковбойка в клетку с широким воротом, морщинистая, тонкая шея, трогательные, сухие, маленькие ключики, как у мальчишек и стариков. Джинсы. Зелено-го спортивные туфли...
 Для человека его возраста наряд необычен. Но Некрасов носит его легко и свободно, с мишугой, ослепительно. Да, ведь голова должна держать туфлю. Сам много не держал, постоишь, Надеюсь... Яй, топ ап! — подымает он официантку. — Еще пива! Как вы относитесь к этому напитку? — спрашивает Некрасов, шелкун пергаментным ногтем по золотистому бокалу.

— Положительной!
 — Мол ап! — повторяет Некрасов, делая жест официантке. — Некажну это парижское эдакое... Странное для нас слово. Мол ап!.. Друг мой, еще пива! — Пару бокалов — сменит другая, потом третья, четвертая...
 — Хорошо ведь сидим в Москве подчас сейчас пива дием — с отмен нахвосты! Все пивари — это «стекляшки-деревяшки» — позарывали небось к чертовой матери!
 — Да не в пива суть, Виктор Платонович. Домой-то когда?
 — Домой? Хоть завтра! На неделю-другую. Посмотреть, как народ живет, о чем в очерках за водкой толкует...
 — У вас, извините, на эти очереди ни сил, ни терпения не хватит!

— Эх, судари мой... Да в воду за тридцать земель привезу, лишь бы с мужичками пообщаться! Сколько таможня дозволяет? Бутылку, две?.. Грустно! А для ветеранов войны нет скидок?

Некрасов улыбается:
 — Люблю, знаете ли, Париж, Монпарнас. Сидишь на втором этаже, а за окном реклама мигает — «Тосибы» или еще какой-нибудь франко-япано-американской мурды... Красиво Весело... Газетка с собой, нет? Жаль... Впрочем, постойте! В магазинике русской книги я тут кое-что приватил...
 Он пошерил в полиэтиленовом пакете с маркой американского издательства «Инка-пресс» и вывалил какие-то листовки-объявления: «Русский студент с православными рекомендациями по сходной цене дает уроки русского языка. Обращаться к...» И вдруг на мраморной плитке парижского кафе торжественно опускается — предположительно русский, явный восток! Как он к парижскому попаял? Прям как лещ лег на призыв «русского студента», Некрасов потеснил им об стол. Потом начал вдохновенно сдирать черную:

— Излучно, рыбка под пиво!
 Некрасов знает дело: ловко распотрошенный лещ замирает на призыве «русского студента» и в считанные секунды исчезает.
 — А теперь только остается уничтожить умки... — загворонически поднимает Некрасов и свертывает остатки леща в чешуйчатую трубочку.
 Он встает, чтобы вынести мусор в тубадилу. Поднимаем тяжело, опираясь на стол руками. Когда же возвращается, я задаю ему вопрос, который раньше, до леща, никогда бы не решился задать:
 Виктор Платонович, как вам здесь работается?
 — Он упирается в меня темным, долгим, саркастическим взглядом и вдруг неожиданно легко, как-то высоким толомом:
 — Никак! Книги наши здесь никому не нужны... И на них не проживешь. Ох, горячары-горночары, берег левый, берег правый!
 — Чем же вы тогда занимаетесь? На что живете?
 — Клевуешь поменьше... Не историческую родину... — Переходим только появляются прежний Некрасов... Раз в неделю по «Свободе», трудноустраив... Так ведь наша бюрократия говорит?
 Все повторю «наши», «наше», когда все придет к Соборному Союзу, а Россия... Таганка? «Наш театр», «Новый мир», «Наш журнал»...
 — Удивительный процесс происходит сейчас у нас в России! Прихожу на джиз в редакцию «Русской мысли», а внастречу мне Юрий Кубановский. «Представь, Вика! Получил письмо от одного ебучего, давнишнего знакомого. Он пишет, что осел в Таганке и начал новую жизнь. Я, говорит, верю Горбачеву и на него его и поддерживать. За таким человеком готов пойти куда угодно. Боюсь только этих бюрократов, но любяю оня Горбачева. Надо бы татальнее его охранять. Написал, говорит, письмо самому Горбачеву, чтобы принял его в свою лич-

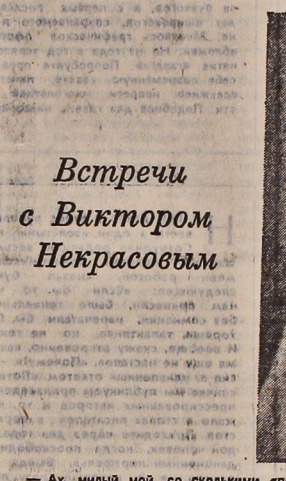
ную охрану... И это биче, бродяга в пропояца, Вика! Это творится в России!»
 Что? Жизнь! Лучше поздно, чем никогда. Да по Горбачеву здравствуй Удивительно, откуда он такой явился? Жалко, что водкой воюет. Несоглидно, да и пусто все это...
 — Виктор Платонович, а вам не предлагали подписаться под заявлением «Интернационала сопротивления»? Помните, оно было впечатано сначала в «Фигаро», потом в «Русской мысли», а американские издании. В нем от Горбачева требовали доказательств искренности и т. д. и т. п.

— Знаю, от кого это идет — от Максимова, Букоского, Плюща... Я в эти игры не играю. Вика Некрасов всегда был сам по себе. Всегда Я и им говорил, и в сам себе. Проще чохом, оглуло осуждать все, за что бы ни брались в СССР. Труднее другое — поддерживать здесь на Западе добрые начинания Москвы. Мне нравится, как встал за дело Горбачев. Я — за то, что происходит в Союзе. И если это называется «перестройкой», я — за перестройку.
 — А как вы восприняли перевод из Горького в Москву академика Сахарова?

— Да ничего. Я в СССР никогда не был, а в СССР никогда не был.

Кирилл ПРИВАЛОВ,
 собственный корреспондент «ЛГ»

«ЭТО ВАМ ГОВОРИЮ ИЗ ПАРИЖА Я...»

Встречи с Виктором Некрасовым

— Ах, милый мой, со сколькими эпизодами мы уже безнадолго опоздали Андрей Дмитриевич! — честнейший человек. То что раньше делали, — это все мой. Но гораздо больше другое — судьба генерала Григоренко. Вам говорит о чем-нибудь это имя?

— Да, ничего. Я в СССР никогда не был, а в СССР никогда не был. Нельза сейчас говорить о войне и не называть генерала Григоренко. Помните «Попков» Карлова? Григоренко — такой же радовой герой войны, как и генерал Петров. Только он умер вдали от дома, как чужбин, в США. Его вынудили покинуть Родину, за нестандартный образ мысли и независимость прилетал на «спадатель». Но люди не хотели, не могли поверить в то, что он враг. И в Америку однополочно писали генералу письма. Он обычно не отвечал боялся осложнить людям жизнь... Петр Григоренко воспринял изгнание как рок, удар судьбы, но всегда верил, что его имя вернется к народу, армии. Помню, незадолго до смерти генерал встретились с ним по Новый год. Григоренко был уже очень слаба, врач запретил ему спиртное, за соблюдением этого «платил» следил жена генерала А мы такком хлопнули коньяку: «За Новый год! За Родину!» Некрасов прикуривает сигарету от сигарет. Горка окурков от едик, горьких «огулаз» растет в пепельнице прямо на глазах.

— Как там в родных пенатах бабушка Олевина? Ух, что, что она вернулась в Петродград «тоб» ей жить — как говорят в Одессе. Но надо думать о людях живой, нынешней нашей культуры... О Бродском, Коржавине, Шемкине, Рабине...
 — Прошел слух, что Бродского считают одним из претендентов на Нобелевскую премию.
 — Был, конечно, Ха-ха... Не люблю этих слухов. Впрочем, Иосиф Бродский, поэт не по конформативной вежливости, а от бога. Как скажем. Будет Окуджава. Кстати, вы читали последний рассказ Окуджава? Мне переписали его на ротариум из какого-то московского журнала, ладный самиздат. Если хотите... Так вот: Окуджава рассказал о возвращении своей матери из лагеря в Таиланд. Синя решил сделать матери подарок и повел ее в кино. Но на модный фильм с Марковой Редь за мять ушла из переполненного зала в разгар сеанса. «Девушка моей мечты...» Как непересказываемый, по-настоящему булатовский рассказ!

— Мы спустились за ночной, омытый мартовским дождем бульвар Монпарнас, когда из кафе терпеливые официанты выдали последние посетителя. Некрасов оказался бездельник, а коньяком, выдавшем виды плашка... Прощаясь, старый писатель наклонился ко мне с верхней ступеньки лестницы и посмотрел в глаза:
 — Я верю вам и прошу о помощи. Надо помочь одному молодому человеку из бывших москвичей вернуться домой. Ни он, ни я не знаем, с чего начать. А теперь твердо решил ехать домой. Дома будет лучше, правда?

— Воблу, кулек с черными сухарями а Улаковал отдельно для Некрасова. Убрал все в специальный чемодан с подарками, который, как правило, берет каждый, кто отъезжает из Москвы в Париж. Вместе с некрасовскими сухариками везу из парижских друзей и знакомых стандартный набор московских сувениров: черные хлеб, конфеты «Мишка крошечный», селедку...
 Едва приехал в сентябрьский, на успешный проуснуть от летней, отпусковой

«Интернационал сопротивления» — созданный в Париже в начале восьмидесятых годов эмигрантская организация, состоящая из бывших граждан социалистических стран и финансируемая из американских источников.

спячка Париж, раздался телефонный звонок.
 — Тут-ты слышал! В-е-виктор П-т-платанович умер...
 Это был тот самый «молодой человек из бывших москвичей», возвращение которого ратовал Некрасов при нашем прощании в кафе «Монпарнас». Он заикался больше обычного, и я услышал в его прерывистой речи точки и тире «С-О-С!»
 — Когда это случилось?
 — Три дня назад... Легкие. Ра...
 Три дня назад — третье сентября — в как раз пересекал Берлин. Глядя на колючую проволоку у Берлинской стены, вспомнил некрасовскую книгу «По ту сторону стены», изданную, кажется, в Англии. Одну из сделанных им за рубежом книг, где он в радужных тонах описывал свою жизнь на Западе. Стоит только захотеть, писал Некрасов, и мы садимся с приятелем в машину и едем на Женевское озеро, в Кёльн или Гаттинген. Пьем там кофе, прогуляемся по музеям и, наоборот в Париж. Проблем никаких! — Искренен ли был Некрасов? Верил ли на самом деле в эту свою «восторженную жизнь»? По-моему, вряд ли. Расска-

вах... Большинство знакомы друг с другом. Нашел знакомые лица в...
 Положил на грудь седую бороду, парижскому, будто не стараясь, издал Андрей Синявский. Усталый, тихий. Казалось, что странным, словно остервеневшимся глазом Синявского видят не только то, что творится в церкви, но и за пределами ее, далеко-далеко... А может, наоборот, он ничего не замечал: волею в эти минуты! Просто ушел в прошлое?

В отдалении от негустой толпы — человек тридцать, от сил орох — стоял Владимир Максимов. Я не сразу узнал его по сравнению с фотографией, опубликованной в эмигрантской печати. Выходит, снимки сделаны много лет назад, может, еще в Москве... Да, постарел Максимов, седой, как лунь, но неотронуто глядя на стоящий у паперти гроб, увенчанный тяжелым крестом, нагнуло заплаканный.
 Виктор Некрасов лежал в закрытом металлическом гробу.
 Впрочем, для такого потребления имелась свои причины. Стишок долго решался вопрос с похоронами Некрасова. И не только потому, что на траурную церемонию не было денег. Дело в том, что для захоронения Виктора Платоновича в русском кладбище в Сен-Жервезе-де-Буа под Парижем не было места. Не подумал вовремя Некрасов об эмигрантском будучем, загодя не купил куса земли, как делают бывшие дворяне, алексеевичи, маркизы, что приобретены еще во времена генерала де Голля «надгробные плиты десятилетиями ждут траурных русско-французских надписей. Местный муниципалитет запретил расширять территорию кладбища: «каждый метр — а не метр». Отсюда выход — хоронить в старых могилах. «Что творится, господи, — сетовал, мелко крестясь, отец Силян, он же на французский манер «папаша Сильвен», кладбищенский священник из эмигрантского первого поколения. — В девять без малого тысячков могил захоронены почти 30 тысяч! В три слоя лежат, господи помилуй... После нескольких торгов удалось наконец приобрести место для Некрасова. В чужой могиле. Как не так давно было с Галичем, Лифарем, Тарковским...

— Занел чур, а появились «стенноослушители». Поп, старенький и ставший, запрятал монотонным дискантом. От этого сделалось еще тяжелее на душе.
 — К тебе, господи, возношу! Куту мою, — возгласил батюшка.

А у меня за спиной одна парижская дама рассказывала другой последние новости. «Слыхала, какой кошмар случился с «Петроградом»? С антиваружной лаской, что напротив храма! Какие-то врабы взломали ночью замок, залезли и вынесли все почта...» «А почему ты думашь, что врабы?» — «Его же еще не такое спосбев? Говорю тебе, вынесли все до последнего гождика!»

Отвлечение закончилось. Настала пора прощания.

Ложится на гроб цветы — осенние, но не по-русски грустные, а по-парижски яркие. След за другими людьми, объединенными общей скорбью, а целую холдиную крест, свои руки родственникам, сыну, невестке, жене, Исцошана, победившей Галина Викторовна больна, и, чувствуется, серьезно.
 Живу, холодаком. Определил Желю вФелюфилну. К Володыке, врач из Наншу. Вы, о нем, наверно, слышали. Вы, а Париже, каждая русская собирает цветы... — говорил Некрасов, пожимая коротенькой сигареткой, во время нашей случайной встречи в какой-то парижской гостиной.
 Прежде чем гроб поставили на катафалк, у ступеней храма прошла короткая гражданская панихида. Слово берет Владимир Максимов. Достает бумажку с текстом и выдерживает паузу. Читает все вокруг затихают, начинает читать, шуряет от яркого солнца.

Сколько кривоколку вызвало потом у живущих в Париже Некрасовых, Парижа это выступление! Ведь, как рассказывал в свое время Максимов выгнал Некрасова из «Континента». Говорит, что предлагал по служажия борба с «зеленым эмигрантом». «Нечего пить с кем пополь!» — заявил Максимов. Но дело в другом: Некрасов не мог не встречаться с советскими писателями, приезжающими в Париж, он не мог жить лишь по ту сторону стены, и я этого не простию.

Все это именно Максимов выступал на улице Дарю. Он взял на работу приемную сына сына Некрасова. Парня звали «Венда «Рено», где он работал, кажется, художником. Максимов же приоткрыл безработного у себя в «Континенте». Неужели такова цена права на прощальное слово?

Голос Максимов глух и негромок. И тем не менее все услышали фразу, которую Максимов произнес в ряд других «Виктор Платонович Некрасов никогда не был убежденным антисоветиком».

Все. Грустный спектакль завершился. Максим аккуратно свертывает бумажку и кладет к маме.
 Грób с Некрасовым поднимает крепкие руки парней русской похоронной конторы и ставит в похоронную машину. В последнюю свою поездку по Парижу отправился Виктор Платонович. У меня же перед глазами проносится тонкобугая улыбка Некрасова. «Мы, меся, на автотургах кататься не привыкли. Мы больше — на метрополитене «имени Каргановича» — так ответил Некрасов на мое предложение поведти его до дома тогда, когда мы прощались на Монпарнасе. Он поехал к себе домой — а парижский пригород Ванс — на метро...

Но в Сен-Женевез-де-Буэ метро не ходит. Только электричка илль по скоростной автостраде можно добраться до этого дачного местечка, где в двадцатьи годах с легкой руки княгини Мерцерской обосновались под Парижем русские. Постройки церковь, создали два пансионата для инвалидов и престарелых (они так и называются, куда даже издалека приезжали члены Союза восточных и Атлантики потянувшись соотечественники на вечный покой.

Я приехал на русские кладбище в ноябре. Желтые, красные листья всецелили приписанные битым кирпичом дорожками. Звонил, созывая на службу редкую пастушу, колокол церкви, где служит отец Петр — батюшка-англиканец.
 Был День всех святых. Я купил у торговца, расположившемся на ящиках издог под апелсином прямо у кладбищенских ворот, горшочек незабудок и пошел искать могилу Некрасова. Хотя ориентир дали мне четкий — «Хоронились в парижской Преображенской, известной как «Белая Багерина», — могилу я нашел не без труда. На серой, вшербленной солнцем, дождями и ветром плите авецветишны буквы было выведено: «Рома Кляичкина. И тут же похажив, пока не стертась вязью — «Виктор Платонович Некрасов».

Куда же пошел Некрасов? Он пошел в Америку, не то в ФРГ... Потом заглянул в соседний «лгоб» на улице Бюси. Поболтал там и там.
 — Слушайте, хватит вам без дела маяться! — сказала мне Ольга Михайловна Солад, англ-хранитель, старший работник «лгоб». — Лучше отвезите меня к Некрасову.
 Так мы и появились, взявшись, чтобы подобрать друг друга, под руку, в соборе Александра Невского на улице Дарю, С большой, безумно алой гождики. Потому по одному из западных радиологов, являющихся на русском языке, нас назовут «делегация» советского посольства.
 В храм было душно и влажно.
 Разные люди собрались проводить Виктора Платоновича. Некрасова в последний путь. Рядом с сегодородными детьми «героев» первой русской эмиграции — белогадарской — застыли в джинсах потными израильской волны еврейца, так и не дождавшихся до «земли обетованной». Были тут и люди, случайно занесенные во Францию: депортированные гитлеровцами на трудовые и оставшиеся потом на Западе, вышедшие замуж за французов и женившиеся на французен-